

На правах рукописи

Грицевская Ирина Михайловна

ЧТЕНИЕ И ЧЕТЫИ СБОРНИКИ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ
XV–XVII вв.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск

2013

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Новосибирский государственный университет» на кафедре древних литератур и литературного источниковедения.

Научный консультант: доктор филологических наук, доцент
Елена Ивановна Дергачева-Скоп.

Официальные оппоненты:

Бахтина Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра русской литературы и зарубежной литературы, профессор.

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кафедра древней литературы и фольклора, профессор.

Панич Тамара Васильевна, доктор филологических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук», сектор археографии и источниковедения, ведущий научный сотрудник.

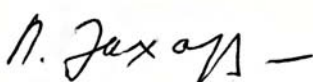
Ведущая организация федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет».

Защита состоится 17 апреля 2013 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Национального исследовательского Томского государственного университета.

Автореферат разослан _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 — Захарова Людмила Андреевна

Актуальность и новизна работы. Чтение – важная филологическая проблема, которой последнее время исследователи-медиевисты стали уделять серьезное внимание. Углубленное изучение показало, что, не учитывая исторической специфики чтения, невозможно точно понять содержание средневекового произведения. Место и время чтения памятника, обстоятельства и цель этого процесса, а также соотношение с другими памятниками, читавшимися в аналогичных обстоятельствах – все это значимые характеристики древнего текста. Круг этих проблем особенно актуален для исследования литературы Древней Руси, потому что, как представляется, именно читатели были центральной фигурой древнерусской книжности. В первую очередь имеется в виду такой разряд квалифицированных читателей, как справщики, редакторы, составители сборников. Они создавали новые редакции памятников, помещали памятники в новые контексты в сборниках, создавая новые смыслы, новые интерпретации старых смыслов.

Некоторым аспектам изучения чтения в исследовательской литературе уделено достаточно много внимания: анализировались корпуса записей на книгах различных собраний, подробно изучены некоторые средневековые монастырские библиотеки (особенно тщательно изучено развитие библиотеки Соловецкого монастыря). Однако собственно четьи практики и репертуар чтения как система не подвергались исследованию. Важно отметить, что труд древнерусских книжников всегда был связан со следованием определенным правилам, строго регламентировался уставами и традицией. Особенно это касалось монастырской литературы, являвшейся в XV–XVII вв. определяющей для русской книжности. Правилам чтения, регламентации репертуара чтения и четьих практик в древнерусских монастырях в исследовательской литературе до настоящего времени не уделялось внимания, несмотря на значимость этих проблем для изучения монастырской книжности.

Актуальность и новизна исследования обусловлена также и усилившимся интересом исследователей-медиевистов к средневековым русским сборникам как к особой проблематике и области изучения. В настоящее время нарастает количество работ, посвященных им. Появился даже особый термин для области филологии, изучающей средневековые русские сборники – «мисцелланология». Известно, что именно сборник – основная книга русского средневековья. Четьи сборники являются чрезвычайно объемной частью древнерусского книжного наследия. При этом они

как таковые, с точки зрения особенностей их структуры, типологии, закономерностей строения и репертуара остаются малоизученными. Многие исследователи до сих пор воспринимают сборники не как плод длительных процессов, происходивших в книжности своего времени, не как предмет самостоятельного исследования, но лишь как «хранилище» для интересующих их текстов. Однако именно четьи сборники являются важным источником по изучению чтения. Они теснейшим образом связаны именно с законами чтения и подчиняются в первую очередь им. Исследователи неоднократно указывали на труднообъяснимые особенности древнерусских четьих сборников – их фрагментарность, нелогичность, отсутствие линейной структуры, иногда даже хаотичность построения. В. Федер (2003) весьма метко обозначил их структуру как «калейдоскопическую».¹ Представляется, что именно в таких сборниках с особой полнотой проявляется специфика средневекового чтения на Руси, и именно особенностями древнерусских четьих практик возможно объяснить многое в их структуре и репертуаре.

В исследовательской литературе, посвященной древнерусской книжности, четьи сборники не рассматривались ранее в качестве производной от четьих практик. Если исследователи западноевропейского средневековья (Р. Шартье, Г. Кавалло) неоднократно писали о связи типа чтения с существующими типами книги, то для русской книжности данная тема оставалась неразработанной.

Ряд сборников, проанализированных в работе, являются малоисследованными или подвергаются исследованию впервые. Так, впервые подвергаются целостному анализу важные в плане истории русской культуры сборники монахов Соловецкого монастыря старца Варлаама Синоицы и игумена Иосифа. Эти сборники содержат произведения Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, старца Артемия, Максима Грека. Исследователи не раз обращались к отдельным текстам из них, но никогда анализировали в целом. Тем не менее представляется важным узнать, в какие контексты были вписаны названные памятники для древнерусских книжников, частью какого круга текстов они являлись для соловецких монахов XVI в. Малоисследованным памятником, анализирующимся в представленной работе, является Скитский Устав. Впервые показано, что данный памятник развивался именно как сборник, прибавляя на протяжении трех веков своего активного бытования в русской книжности различные статьи, меняющие в целом смысл и назначение первоначального ядра текстов.

¹ Veder, W.R. Literature as a kaleidoscope. The structure of Slavic Četii sborniki // Semantic Analysis of Literary Texts. Elsevier, 1990. P. 599–613.

Иерусалимский Устав (его версия, бытовавшая на Руси в XV–XVII вв.), несмотря на колоссальную значимость для средневековой русской культуры и огромное количество экземпляров, встречающихся буквально во всех существующих рукописных собраниях, остается также малоисследованным памятником. В данной работе, никак не претендуя на полный анализ названного «макросборника», проведено исследование небольшой коллекции уставов, сложившейся в рукописном собрании Нижегородской областной библиотеки. Иерусалимские уставы при этом рассмотрены именно как сборники, причем сборники неустойчивого состава, содержащие большое количество материалов для индивидуального келейного чтения.

В представленной работе анализируется целый ряд книг, входящих в состав рукописного собрания Нижегородской областной библиотеки. Это собрание, несмотря на значительный объем и уникальность входящих в него материалов, остается малоизученным. Данное обстоятельство также свидетельствует о новизне материалов, представленных в диссертации.

Тема диссертации находится в русле одного из направлений исследований кафедры древних литератур и литературного источниковедения Новосибирского государственного университета – «Книга и литература в культурном пространстве эпох: древнерусский четий сборник как литературный факт».

Объектом исследования в данной работе являются феномены монастырского чтения в Московской Руси XV–XVII вв. Как известно, в этот период именно монастырская книжность являлась ведущей, монастыри являлись крупнейшими и определяющими культурными центрами. Особенности чтения, сложившиеся в таких монастырях, как Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, Соловецкий, ряде других, не могли не повлиять на явления чтения и за монастырскими стенами, на читателей самых различных социальных групп. Чтение являлось важнейшей частью православного культа, и, как таковое, нуждалось в некоей регламентации и в образцах. Как церковный и дисциплинарный монастырский устав в XV–XVII вв. на Руси во многом определял жизнь мирян, так и монастырское чтение не могло не сказываться на чтении всего общества.

В связи с этим **предметом** исследования диссертации являются важнейшие характеристики монастырского чтения, а именно:

1. Исследование практик монастырского чтения, их отражения и регламентации в различного уровня уставах: дисциплинарных, богослужебных, монастырских, келейных. Сделана попытка выяснить, как, когда, что и почему читали древнерусские книжники, как

происходил сам процесс чтения. Анализируются особенности читательских тактик и стратегий, особенностей чтения.

2. Репертуар монастырского чтения в Древней Руси. Прежде всего именно в репертуаре отражена важнейшая характеристика древнерусского монастырского чтения – его системность. Анализ этого аспекта чтения может обнаружить как иерархическую простроенность книжного репертуара в синхронном срезе, так и развитие данной иерархии в историческом плане.

3. Особенности древнерусских сборников, отражающие специфику их прочтения. Создателями сборников чаще всего были именно читатели, а не писатели, поэтому сборники являются важнейшим источником наших представлений о чтении в целом как феномене древнерусской культуры. При составлении сборников книжники ориентировались не на тексты как таковые, не на особенности литературных памятников, а на особенности существовавших на тот момент читательских практик, на традиции и подходы, сложившиеся в области чтения.

Исследование отмеченных аспектов позволяет выявить ряд закономерностей, характерных для древнерусского монастырского чтения. Так, изучение древнерусских церковных и монастырских уставов и разного типа уставных текстов со всей очевидностью показывает роль чтения и его место в монастырском быте и богослужении. Выявляются важнейшие в историческом плане особенности развития чтения, прослежена сложная связь и взаимозависимость чтения «вслух» и «про себя», общественного и индивидуального чтения, интенсивного и экстенсивного чтения. В рамках названных категорий происходит эволюция чтения как важнейшего феномена древнерусской культуры в целом. При этом выясняется, что в разных монастырских книжных центрах данное развитие проходило по-разному, подчиняясь своим особым закономерностям. Четыри практики, репертуар чтения и, конечно же, четыре сборники были весьма различны в четырех крупнейших монастырях – Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Иосифо-Волоколамском и Соловецком. Особые подходы, завершающие средневековую традицию и обобщающие ее, характерны для русских «средневековых» книжниках после Средневековья – старообрядцах различных толков и согласий, создавших свою книжность, а также «несовременных людях» (пользуясь выражением Д. Уо) петровской и послепетровской эпох. В целом анализ различных практик, отраженных в уставных постановлениях разного времени и места возникновения, знакомит с особенностями чтения на протяжении достаточно значительного периода.

К важным выводам подводит исследование закономерностей развития и существования репертуара монастырской книжности. Этот репертуар практически состоял из трех основных разделов:

богослужебные книги, книги уставного чтения книги келейного чтения. Потребности обычной соборной и церковной библиотеки ограничивались богослужебными и уставными книгами, а в монастырях, помимо храмовых наставлений, типиконном предусматривалось еще и келейное чтение, которое и дало место третьему типу книг древнерусских библиотек, книг келейных. Уставное чтение в целом регламентировалось уставами разных уровней. Общее направление и тематику чтения определяли богослужебные уставы. Для исследуемого периода это, прежде всего, Иерусалимский устав в разных редакциях и вариантах. Для крупных книжных монастырских центров также было характерно и составление специальных «уставцев», определяющих репертуар церковного чтения по минейным и триодным датам. Но конечно, основным регулятором соборного чтения все же были имеющиеся в монастырских библиотеках устойчивые сборники уставных чтений, такие, как Торжественники разных типов, Четьи Миней, Прологи, Златоусты, Раи, Соборники, Учительные Евангелия, прочие аналогичные сборники. История складывания этих сборников, их развития и изменения осознана в исследовательской литературе как важнейшая проблема, которой посвящен целый ряд капитальных трудов.

Но если в настоящее время уставному чтению уделяется достаточно много внимания в работах различных исследователей, то келейное чтение как система изучено в значительно меньшей степени. Это может быть объяснено целым рядом причин, и главная из них та, что келейное чтение, в отличие от уставного, представлялось явлением слишком аморфным и неопределенным. Оно всегда в целом характеризовалось как чтение для назидания вне богослужения, и как таковое, виделось очень индивидуальным, не подверженным регламентации. Оно не регулировалось уставами, не подчинялось видимым закономерностям. Поэтому работы, посвященные собственно келейному чтению, достаточно малочисленны. Однако выполненное нами ранее исследование древнерусской библиографии, называемой в научной литературе «индексом истинных книг»,² позволило сделать целый ряд выводов относительно характера и развития репертуара келейного чтения в крупнейших русских средневековых монастырях. Как выяснилось, репертуар келейного чтения представлял собой достаточно строго очерченную систему, эволюционирующую во времени, варьирующуюся в различных книжных монастырских центрах.

Исходя из вышеизложенного, в данной работе отдается предпочтение исследованию чтения келейного, хотя и вопросы уставного чтения отчасти тоже освещены. В связи с этим важнейшее

² Грицевская И.М. Индексы истинных книг. СПб.: «Дм. Буланин», 2003. 253 с.

место в исследовании занимает анализ келейных четьих сборников. Необходимо отметить, что разделение уставного и келейного чтения в древнерусском монастыре достаточно условное и относится прежде всего к конкретному функционированию текстов, к конкретным четьим практикам. Один и тот же текст может быть отнесен к уставному чтению, будучи помещен в сборник уставных чтений, или к келейному чтению в сборнике келейном. Но и разделение сборников на келейные и уставные не абсолютно. Отталкиваясь от внутренней структуры и состава рукописного сборника, его не всегда можно отнести со всей определенностью к уставному или келейному чтению. Между этими типами монастырского чтения не было жесткого разграничения, одни и те же книги могли использоваться и там и тут. Но, тем не менее, келейный сборник все же может быть выделен как определенный тип книги. Его характеризует целая совокупность примет, таких, как структура (обычно некалендарная), состав (чаще индивидуальный или неустойчивый), внешний вид (обычно небольшой формат, отсутствие украшений) и другие. И лишь в этой совокупности играют роль такие характеристики, как сюжетные и жанровые особенности входящих в них текстов: конечно, торжественное красноречие более характерно для уставного сборника, а историческое повествование скорее найдет себе место в сборнике келейном.

Нами предпринята попытка охарактеризовать древнерусские сборники в целом, выделить общие особенности, вытекающие из четьих практик. Так, разные типы келейных и четьих сборников существовали везде (хотя, конечно, в разных монастырских книжных центрах эти типы воплощались по-разному). Сборники строились из блоков и циклов везде и всегда в Древней Руси (хотя эти блоки были разными в разных центрах). В работе исследован целый ряд сборников келейного чтения, относящихся к различным группам и типам. Так, проанализировано развитие на Руси известного памятника богослужебно-дисциплинарной тематики Скитского устава, являющегося по сути своей сборником устойчивого состава. В качестве «макросборников» проанализированы списки Иерусалимского Устава, находящиеся в коллекции Нижегородской областной библиотеки. Исследовался келейный сборник XVI в., принадлежавший соловецкому старцу Варлааму Синице.

Особое внимание уделено сборникам индивидуального чтения позднего периода, продолжавших развитие келейной четьей традиции как у старообрядцев, так и у тех, кто придерживался послереформенной церкви. Изучены несколько поздних сборников разнообразного состава, принадлежащих рукописной коллекции Нижегородской областной библиотеки.

Практическая значимость работы. При проведении археографической работы по описанию собраний рукописных книг

сборники из них должны быть обозначены в заголовке статьи описания. Обозначение книги просто как «сборник» малоинформативно, и поэтому нет недостатка в попытках построить утилитарные классификационные системы подобных сборников. Такого рода классификации, более или менее простроенные и логичные, имеют одну общую особенность: авторы их не ставят перед собой специальную цель создания целостной и непротиворечивой системы, их задача – охарактеризовать входящие в собрание сборники. Поэтому в настоящее время терминология, связанная со сборниками келейного чтения, в достаточной мере хаотична. Такие термины, как «сборник смешанного состава», «сборник непостоянного состава», «сборник неустойчивого состава/содержания», «сборник индивидуального состава», «авторский сборник», «четий сборник» используются каждым автором по-своему. Исходя из этого, создание классификации сборников келейного чтения является важной и актуальной практической задачей для современной филологии.

Теоретическая основа работы

Диссертация опирается на работы отечественных филологов и историков, связанные с *пониманием древнерусской книжности как системы*. Так, Н.К. Никольским был поставлен вопрос о книжности средневековых русских монастырей этого периода как о достаточно строго организованной, исторически сложившейся системе внутри древнерусской письменности. Проблемы книжности как системы, ее функционирование, взаимодействие внутри нее обширных пластов текстов и макротекстов привлекали исследователей. Эти проблемы ставились и решались в разных аспектах в трудах А.С. Соболевского, Д.С. Лихачева, Р. Пиккио, ряда других ученых. Новейшими работами в названном направлении являются исследования Д.М. Буланина, А.А. Турилова.

Еще одно важнейшее для нашей темы направление исследований древнерусской книжности посвящено *древнерусским монастырским библиотекам*, их истории, репертуару и структуре, а также келейным библиотекам различных книжников и их кругу чтения.

Для изучения деятельности монастырских библиотек сделано и делается многое. Наиболее значимые из исследований последнего времени – это работы Р. П. Дмитриевой, Н. Н. Розова, Г. М. Прохорова М. В. Кукушкиной, Е. М. Юхименко, Е. В. Крушельницкой, О. В. Панченко, А. П. Балаченковой и ряд других.

Информацию о келейном чтении может дать *изучение деятельности древнерусских книжников-монахов*, состава их келейных библиотек, результатов их книжной деятельности, вкладов в монастырские библиотеки, их помет на книгах. В последнее время активно исследовалась книжная деятельность таких великих

книжников, как Кирилл Белозерский, Досифей Соловецкий, Нил Сорский, Ефросин Белозерский, других соловецких, кирилло-белозерских, волоколамских и троицких книжников, а также книжников иных монастырей. Данной теме посвящено специальное серийное научное издание «Книжные центры Древней Руси», регулярно издающееся ИРЛИ РАН под редакцией (в разные годы) Д. С. Лихачева, Р. П. Дмитриевой, С. В. Семячко, О. В. Панченко.

Важным для изучения монастырского чтения является исследование *регламентации его церковными и монастырскими уставами* разных уровней. Такая регламентация ограничивала репертуар книг, читаемых в монастырях, обуславливала специфические особенности этих книг, характер текстов, включенных в них, конкретные практики чтения, бытующие в различных монастырских книжных центрах, кодикологические особенности отдельных книг, а также характер книжных собраний средневековых библиотек.

Комплексам богослужебных и уставных четких книг, составленным согласно Студийскому и Иерусалимскому уставам, уделялось большое внимание при изучении истории богослужебных уставов у южных славян и на Руси. Можно назвать труды таких исследователей, как И. Мансветов, Сергей (Спасский), Н. К. Никольский. Специальный труд, посвященный уставному чтению в соответствии с различными типами богослужебных типиконов принадлежит В. П. Виноградову. Из современных исследований необходимо указать на работы А. М. Пентковского. Однако даже уставное чтение, как показано в настоящей работе, не было отражено в полной мере в уставах, как в Студийском, так и в Иерусалимском. Уставы дополнялись на Руси специальными статьями, иногда являвшимися «конвоем» уставов. Именно такой статьей, в частности, являлся индекс истинных книг. В предыдущих наших работах³ исследовалась история текста индекса и его репертуар, однако не затрагивался вопрос о роли и функциях этого памятника в книжности.

Характеристика читательских сообществ, анализ репертуара и системы чтения, его регламентация – все это важнейшие стороны изучения истории чтения. Однако не менее важным представляется еще один аспект изучения монастырского чтения – а именно, изучение его закономерностей, связанных с местом в культуре этого вида деятельности.

Такого рода работ в исследовательской литературе немного. Анализу проблем чтения в Древней Руси посвящена работа В. П. Адриановой-Перетц,⁴ поставившей вопрос об изучении круга чтения древнерусского писателя. Важным вкладом в разработку темы

³ Грицевская И.М. Индексы истинных книг.

⁴ Адрианова-Перетц, В.П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // Труды отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1974. Т. 28. С. 3–29.

келейного чтения следует считать размышления Д. С. Лихачева о том, что веяния восточноевропейского Предвозрождения привели к индивидуализации религии (исихазм с его молчаливостью, развитие скитничества, уединенной молитвы и пр.), что дало толчок к развитию индивидуального чтения.⁵ Статистическому анализу развитию келейного чтения в XV в. посвящен цикл работ Г. М. Прохорова. Ряд ценных замечаний о характере русского монастырского чтения высказан в работах Р. Романчука.

Важнейшим источником при изучении истории чтения является отражение его в письменных источниках, в специфических формах организации письма, свидетельствующих о его функционировании в среде книжников. Особенно много писали об этих проблемах исследователи европейского античного и средневекового чтения (Р. Шартье, Г. Кавалло, М. Паркс, Ж. Амесс).

Изучение основного типа книги русского средневековья – сборников – практически сопрягает в себе все аспекты изучения книжности, как репертуар, так и особенности книжных центров, так и труды отдельных книжников, так и вопросы функционирования сборников в читательской среде, вопросы четых практик.

Древнерусские сборники как специфическое и очень заметное явление интересовали исследователей во все периоды изучения средневековой русской книжности. Ученые XIX–XX вв. исследовали наиболее древние и наиболее значимые сборники, такие, как «Изборники» 1073 и 1076 гг., «Златоструи», «Измарагды», «Пчелы», «Прологи», «Кормчие», «Златые чепи», «Патерики», «Великие Минеи Четьи», «Маргариты», «Златоусты», «Раи», «Торжественники». Исследованиями сборников занимались Н. К. Никольский, А. С. Орлов, В. Н. Перетц, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, Д. С. Лихачев, Р. П. Дмитриева, Г. М. Прохоров, Д. М. Буланин, О. В. Творогов, Е. И. Дергачева-Скоп, Н. С. Демкова, Т. В. Черторицкая и многие другие. Активно занимались исследованием славянских сборников зарубежные авторы, такие как Р. Пиккио, В. Р. Федер, М. Капальдо, Св. Николова, Кл. Иванова, А. Милтенова, Хр. Кодов, К. Кувев, Е. Мирчева, многие другие.

Неоценимый вклад в изучение сборников был внесен при подготовке описаний рукописных собраний, особенно выполненных такими классиками, как А. В. Горский, К. И. Невоструев, иеромонахи Иларий и Арсений, П. М. Строев и другими. Основываясь на трудах исследователей, работавших в XIX – начале XX вв., В. О. Ключевский имел все основания высказать мысль о том, что

⁵ Лихачев, Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л. : Наука, 1986. С. 86–87.

«сборник был преобладающей формой древнерусского книжного дела».⁶

Итак, обширные материалы, существующие в современной исследовательской литературе и посвященные различным аспектам древнерусской книжности и литературы, дают возможность поставить и решить ряд вопросов о характере и особенностях четьего репертуара, формировании и жизни «интерпретаторских сообществ», специфике четьих практик.

Методическая основа работы. Как методическую основу работы необходимо обозначить историко-теоретический метод, разработанный Петербургской текстологической школой. В основе его лежит тщательный и многосторонний анализ рукописных текстов, привлечение к исследованию исчерпывающего круга источников, необходимость интерпретации текстологических фактов, комплексность в изучении текстов, изучение текстологического окружения памятника в сборниках, работы книжников и скрипториев. Отметим, что на основе базовых методов Петербургской школы ныне возникли новые подходы, осуществляемые в работах ряда исследователей, таких, как Е. И. Дергачева-Скоп, Т. В. Черторицкая, О. В. Творогов и другие. Это метод исследования обширных комплексов текстов в книжности, который можно обозначить как историко-функциональный. Е. И. Дергачевой-Скоп поставлен вопрос о «идеальном» и «реальном» положении текста в литературной среде эпохи, что является важным методическим посылом настоящей работы. Т. В. Черторицкая характеризовала разрабатываемые ею подходы как «комплекс методов источниковедческого исследования, направленный на изучение состава сборников разных типов, литературного конвоя определенного произведения в составе четьего сборника, анализа содержания сборника в синхронии и диахронии».

Значимыми для разработки методических подходов данной работы являются труды современных европейских исследователей истории чтения. В первую очередь в данном контексте необходимо назвать французского исследователя истории чтения Р. Шартье и ряд других авторов, изучавших средневековую европейскую книжность и литературу соотносительно с характером чтения в данную эпоху.

В области атрибуции и классификации книги методической основой диссертации являются подходы российских археографов и исследователей, разрабатывавшиеся начиная с классических работ А. В. Горского и К. И. Невоструева, иеромонахов Илария и Арсения и кончая современными описаниями, выполненными Р. П. Дмитриевой, А. А. Туриловым, О. В. Твороговым, Н. Н. Бубновым, другими.

Источниковой базой исследования послужили:

⁶ Ключевский В.О. Курс лекций по источниковедению // Ключевский В.О. Соч. Т. 4. М., 1959. С. 62–63.

а. Древнерусские рукописные сборники различных монастырских собраний: библиотек Троице-Сергиева (РГБ, ф. 304), Волоколамского (РГБ, ф. 113; ГИМ, Епархиальное собрание), Кирилло-Белозерского (РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, Софийское собрание) и Соловецкого (РНБ, собрание Соловецкого монастыря) монастырей;

б. Древнерусские рукописные сборники, содержащие индексы истинных и ложных книг и другие уставные материалы;

в. Старообрядческие рукописные четьи сборники из собрания Нижегородской областной универсальной научной библиотеки;

д. Списки Иерусалимского и Скитского уставов из различных рукописных собраний (РГБ, РНБ, ГИМ, Нижегородская областная универсальная научная библиотека).

Цели и задачи исследования:

Основной целью представленной работы является исследование разнообразия феноменов монастырского чтения в Древней Руси.

Для достижения данной цели нами сформулированы и решены следующие задачи:

исследовать монастырские четьи практики, обусловленные и заданные уставами разных уровней: богослужебными, монастырскими, келейными;

изучить келейное чтение (как единство репертуара и четьих практик) в качестве важной структурной части древнерусской литературы, наименее изученной в научной практике;

проанализировать роль индексов истинных книг и других уставных материалов как регуляторов келейного чтения;

исследовать келейное чтение в Кирилло-Белозерском, Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском и Соловецком монастырях;

описать закономерности развития келейного чтения и изменения отношения к нему в крупнейших монашеских культурных центрах;

изучить келейные сборники как производную келейного чтения и часть литературного процесса русского Средневековья;

уточнить их классификацию, а также связанную с ними терминологию.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для понимания процессов, происходящих в древнерусской книжности, важное значение имеет изучение чтения в средневековых русских монастырях. Сложившиеся в монастырях практики чтения, его репертуар, сборники, составляемые читателями – вот важнейшие аспекты, исследование которых может внести новый вклад в изучение истории древнерусской литературы.

2. Четьи практики, возникшие и развивавшиеся в древнерусских книжных монастырских центрах, должны были отвечать требованиям уставов самых разных уровней, обеспечивавших представление о типе и репертуаре чтения. Изучение такого рода регламентации является важной задачей при изучении монастырских четьих традиций, поскольку выявляет «идеальные» представления о различных аспектах чтения, существовавшие в древнерусском обществе.
3. Репертуар древнерусской книжности организовывался в целостные, изменяющиеся во времени системы чтения, отраженные в развитии такого важнейшего систематизатора древнерусского чтения, каким являлся индекс истинных книг. Так, в ранних сборниках Кирилло-Белозерского монастыря XV в, впервые появившись на Руси, индекс отражал систему чтения, сложившуюся еще в Киевской Руси. В сборниках иосифлянкой книжной традиции во второй половине XV в. и в XVI в., индекс начинает включать в себя указания на исихастскую литературу, пришедшую на Русь в период второго южнославянского влияния, кодифицируя системы сложившегося и авторитетного репертуара чтения, отсекая новые явления, не устоявшиеся еще в книжности и не обретшие силу традиции.
4. Четьи сборники, в том числе и келейные, выстраивались для средневековых книжников своего времени некую целостную систему, развитие и существование которой тесно связано со сложившимся в обществе типом чтения.
5. Келейные монастырские сборники представляют собой особый жанр древнерусской литературы, имевший, несмотря на кажущуюся хаотичность, особые закономерности строения, зависимые от существовавшего в древнерусских монастырях типа чтения. Особенно важна для структуры древнерусских келейных четьих сборников такая характеристика монастырского чтения, как его интенсивность.
6. Классификация келейных сборников состоит из ряда взаимодополняющих и взаимосвязанных классификаций разных уровней, учитывающих различные аспекты структуры и функционирования сборников, а именно классификации функциональная, типологическая, структурная, жанрово-тематическая.
7. Как важное наследие древнерусской книжности, келейные сборники различной структуры сохранялись в старообрядческой книжности. Структурное сходство старообрядческих сборников и древнерусских сборников является важным элементом своеобразия старообрядческой книжности в целом, пытающейся создавать новые интерпретации в рамках древних форм.

Апробация исследования

Основные положения исследования обсуждались на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (1996 г., 2005 г.), на заседании Общества исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН (2005 год), на многочисленных и международных и всероссийских конференциях, в том числе: Международная научно-практическая конференция «Древнерусская книжная традиция и современная народная литература», (Нижний Новгород, 1998); III Международная конференция «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России» (Сергиев Посад, 2002); IV Международная научная конференция «Рябининские чтения – 2003» (Петрозаводск, 2003); XI Международная конференция по проблемам книговедения «Книга и мировая цивилизация» (Москва, 2004); Международная научная конференция «Переводная литература в Древней Руси» (Санкт-Петербург, 2004); Международная научная конференция «Федоровские чтения» (Москва, 2005); Международная научная конференция «Культурное наследие Древней Руси» (Третьи Лихачевские чтения) (Санкт-Петербург, 2006); V Международная научная конференция по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007; Международная научная конференция «Федоровские чтения» (Москва, 2007); III Международные Ремезовские чтения, Тобольск, 2007 г.; Международные научные конференции «Жизнь провинции как феномен духовности» (Нижний Новгород, 2008-2010 гг.); Всероссийская научно-практическая конференция «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» (Сыктывкар, 2008); XII Международная научная конференция по проблемам книговедения (Москва, 28-30 апреля 2009 г.); II Международная научная конференция «Язык, книга и традиционная культура позднего средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.» (Москва, 30-31 октября 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Регионы для устойчивого развития: Образование и культура народов Российской федерации» (Новосибирск, 25-27 марта 2010 г.).

Структура диссертации

Введение

Во Введении дано обоснование выбора темы, ее актуальности, показана научная новизна, сформулированы цели и задачи исследования, методы решения поставленных задач. Обобщена предшествующая историография вопроса.

Глава 1. Монастырское чтение: регламентация и специфические особенности в различных книжных центрах.

1.1. Регламентация келейного чтения

В разделе освещаются вопросы значения и регламентации чтения в русских монастырях в период бурного развития монашеской культуры на Руси в XV–XVII вв. В этот период оно становится если не обязательным, то весьма желательным и важным элементом жизни монахов.

Чтобы правильно подойти к проблеме келейного чтения как части системы средневековой книжности, необходимо понять его место в уставах монастырей.⁷

В работе рассмотрены указания о чтении, имеющиеся в различного рода уставах и уставных статьях. Такие указания в русской книжности немногочисленны. Так, косвенные указания на порядок соборного и келейного чтения можно найти в различных статьях Студийского устава. Более или менее обширную информацию о чтении в русских средневековых монастырях дают дошедшие до нас монастырские уставы. Есть указания на порядок келейного чтения в таком распространенном и важном для русского средневековья памятнике, как Скитский устав Русской редакции.

В одной из статей этого памятника («Правиле келейном в безмолвии сидящему»)⁸ указывается, что чтение святоотеческой литературы должно занимать большую часть келейного пребывания. При этом строго разделялось чтение при келейном богослужении (Псалтырь и Евангелие читались стоя) и чтение иного рода (книги отеческие читались сидя).

Чтение в келье могло являться не только частью правила, но также и отдыхом: после службы монахи должны «отходить ... во храмину рукоделную и вжигати свечилникъ, или чести, или делат яко ж изволить кождо, егда хочет отити на покои».

1.2. Регламентация репертуара монастырского чтения

Важной стороной, регулируемой уставами, являлся не только практика чтения, но и репертуар монастырского чтения. Именно этому посвящены дошедшие до нас памятники библиографии Древней Руси. Одним из видов подобных библиографий являлись так называемые «указцы» (условное название памятника по впервые выявленному и опубликованному И.А. Шляпкиным тексту, созданному в Спасо-Прилуцком монастыре.)⁹ Такие «указцы» были весьма распространены, создавались в различных крупных монастырях и содержали регламентацию репертуара соборного чтения.

⁷ Говоря о келейном чтении, мы не имеем в виду келейное богослужение (келейное правило), регламентируемое разного рода богослужебными уставами, в том числе и чтение Псалтыри.

⁸ РНБ, собр.Погодина, №270, Иерусалимский устав со Скитским уставом, XVI в., л. 435 об.

⁹ Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 г. СПб., 1914. 28 с.

Другим видом древнерусских библиографий, регламентирующих репертуар монастырского келейного чтения, являлись индексы истинных и ложных книг, встречающиеся в списках с начала XV в. Изучение этих памятников дает ключ к пониманию сложных и неоднозначных процессов, происходивших в развитии русской книжности на протяжении XV, XVI и первой половины XVII веков. Многие крупные события как русской книжности, так и всей русской культуры отражены в развитии этой древней библиографии. Исследование структуры индексов показывает, что они представляли собой сложное сращение целого ряда произведений и правил, регламентирующих чтение.

Индексы являлись постоянной частью Иерусалимских уставов и Кормчих. Они входили в Русскую редакцию Скитского устава. Представляется, что индексы не могли регламентировать уставные чтения, которые уже были регламентированы значительно более высоким в иерархическом отношении документом – служебным уставом. Скорее, они устанавливали состав келейного монастырского чтения.

1.3. Келейное чтение и индексы истинных книг в книжной традиции Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей.

Исследование внутреннего устройства Кирилло-Белозерского монастыря на ранней стадии его существования является одной из ключевых проблем в изучении древнерусской монашеской культуры. Сведения о характере монастырского чтения в разные периоды существования монастыря можно почерпнуть из различных редакций статьи «Предание старческое новонаначальному иноку», возникновение которой исследователи связывают с Кирилло-Белозерским книжным центром.¹⁰

Уже в древнейшей части памятника¹¹ индивидуальному монашескому чтению уделяется достаточно много внимания. Так, здесь говорится, что «келия устава не имат: то деется от произволения своего, како кто возлюбит Бога». Впрочем, отмечается, что «истинному иноку несть праздника на земли, ни Пасхи», то есть истинный инок постоянно должен трудиться. Все свободное время монах должен «труждаться в молитвах и в чтении книжном», и только если монах не научен грамоте, он должен заниматься рукоделием. Таким образом, книжное чтение здесь предпочтительнее рукоделия. Вообще же, если судить по «Преданию старческому», то книжное чтение является самым обычным и распространенным занятием монаха.

¹⁰ Прохоров Г.М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чюдотворца» // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб.: «Дм. Буланин», 2008. С. 3–24.

¹¹ Семячко С.А. История текста «Предания старческого новонаначальному иноку» и ранняя история сборника «Старчество» // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб.: «Дм. Буланин», 2008. С. 45–54.

Индексы истинных и ложных книг были весьма популярны в монастыре. При этом несомненное предпочтение книжники монастыря отдавали индексам Основного типа обеих Кратких редакций – из 12 списков 10 приходится именно на эти две редакции. При этом два наиболее ранних списка включены в рукописи, входившие, как полагают исследователи, в личную келейную библиотеку Кирилла Белозерского. Еще два списка индексов вошли в состав знаменитых Ефросиновских сборников. Индексом занимались крупнейшие книжники, связанные с традициями Кириллова монастыря – Нил Сорский и Гурий Тушин. Большинство кирилловских рукописей, содержащих индексы, хорошо известны в науке, значимы для истории древнерусской книжности, вышли из-под пера известных деятелей русской культуры или принадлежали им. Более того, индекс является в этих сборниках весьма важным элементом, а возможно, и одним из ключевых компонентов, позволяющих сделать ряд выводов о круге чтения их составителей.

Иное, гораздо менее значимое место занимали индексы в другом крупнейшем книжном центре – Троице-Сергиевой лавре. Очевидно, Лавра не являлась тем местом, где могла быть создана какая-либо редакция индекса или хотя бы группа текстов. При этом лаврские монахи все же интересовались памятником. С полной уверенностью можно утверждать, что подбор индексов в троицкой монастырской библиотеке не был случайным. Об этом говорит тот факт, что в обширном троицком книжном собрании, так же, как и в собрании Кирилловского монастыря, имелись почти исключительно индексы Кратких редакций. Здесь не было ни единого списка чрезвычайно распространенной в XV – XVII вв. Расширенной редакции, за редкими исключениями (по одному индексу в каждом рассматриваемом монастыре) не имелось и других типов и редакций индекса. Таким образом, в отношении индексов в двух крупнейших монастырских книжных центрах XV в. прослеживается единая позиция – в обоих книжных центрах использовались почти исключительно лишь Краткие редакции индексов.

Анализ репертуара Кратких редакций приводит к выводу, что эти редакции памятника противопоставлены Полным именно потому, что в первых не имеется почти никаких указаний на новые тексты, пришедшие на Русь в конце XIV – начале XV в. Круг чтения, очерченный в Кратких редакциях, весьма архаичен для книжности начала XV в., когда, как мы полагаем, он возник. В репертуар этих редакций входит от 40 до 52 названий и имен авторов, 40 из них мы относим к архетипическим для обеих редакций чтениям. Среди этих последних – 32 имени и названия были хорошо известны и широко распространены в русской книжности до середины XIV в. Это следующие именованья: «Иоанн Златоуст», «Иоанн Дамаскин», «Иоанн Богослов», «Иоанн Экзарх», «Иоанн Лествичник», «Кирилл

Александрийский», «Варлам», «Ефрем», «Шестоднев», «Максим», «Нил», «Иасаф», «Чепи», «Крин», «Иосиф Матафиин», «Козьма Индикоплов», «Анастасий Синайский», «Лимонис», «Патерик», «Исус Сирахович», «Три вопрошения философ», «Стослов», «Странник», «Пандок», «Григорий Богослов», «Феодор Едесский», «Василий Новый», «Гранограф», «Палея», «12 Иаковлич», «Нифонт», «Андрей Юродивый».

Большинство из названий памятников и имен писателей, входящих в первую группу, являлись устойчивым элементом монашеского чтения как в Византии, так и у южных славян и на Руси. Лишь один памятник, указание на который входило в архетип Кратких редакций, не был, по-видимому, известен русским книжникам до последней четверти XIV в. Это корпус сочинений Дионисия Ареопагита.

Таким образом, в обоих монастырях были в ходу лишь индексы, очерчивающие весьма архаичный круг чтения. Как это соотносится с реальным репертуаром чтения в этих монастырях? На первый взгляд, единства реальной книжности как Кирилло-Белозерского, так и Троицкого монастырей с репертуаром индексов Кратких редакций не должно быть. Хорошо известно, что названные два монастыря – проводники новых культурных веяний, возникших на рубеже XIV-XV вв. Именно там особо интересовались исихастской теорией и практикой и исихастской литературой. Представляется, что выявленное противопоставление отражает реальное сосуществование в обоих книжных центрах в конце XIV – начале XV в. одновременных, но разнородных по характеру пластов книжности и, соответственно, двух разных кругов чтения. Это, с одной стороны, архаическая книжность XIV в., и, с другой стороны, новая книжность, отразившая в себе черты второго южнославянского влияния. Помимо графико-орфографической системы, новая книжность – это еще и подбор текстов, новых текстов, широким потоком хлынувших на Русь в конце XIV– начале XV в. При этом старая книжность, очевидно, была еще вполне продуктивна – об этом свидетельствует целый ряд рукописей, написанных достаточно поздно.

Таким образом, в обоих монастырях формируются два пласта книжности и два круга чтения: архаичная, придерживающаяся традиций древности, и новая, подверженная второму южнославянскому влиянию. Общим для двух книжных центров является также важное расхождение между реальной книжностью и кругом чтения, обозначенном индексами Кратких редакций, созданных, по-видимому, в Кирилловом монастыре и активно используемых в Троицком.

Представляется, что данное положение вещей соотносится с целями составителей индекса истинных книг и ролью этого памятника в регламентации монастырского чтения. Как известно, в

монастырских кельях читались и книги, выходившие за очерченный круг (светские сочинения, апокрифы). Однако индекс истинных книг не включал их, поскольку его предмет – особая, с древности сложившаяся репертуарная система. Очевидно, круг этого специфического монашеского чтения к началу XV в. утвердился на Руси. Он был частью целостного пласта книжности, существовавшей задолго до рубежа XIV – XV веков.

Из анализа индексов и их соотношения с реальными процессами, проходившими в русской книжности начала XV в. становится очевидным, что «старая» книжность существовала в умах книжников как определенная *единая система текстов*. До конца XIV в. эта система, по-видимому, не была кодифицирована. Фиксирование в записи произошло только в период, когда она начала размываться: в рассматриваемый период на Русь пришло большое количество новых монашеских текстов, место которых в келейном чтении-делании еще не было определено. Эта архаическая система и нашла свое отражение в Кратких редакциях истинных книг. Чем была вызвана потребность в кодификации? На этот вопрос пока невозможно дать исчерпывающий ответ. Возможно, это произошло в связи с общим реформированием и упорядочиванием монашеской жизни, определенными изменениями в стратегиях «духовного делания». С другой стороны, можно предположить, что книжники осознавали необходимость фиксации и сохранения традиционного, отработанного веками круга келейного чтения. Важность для монашеской жизни именно этого, архаического круга келейного чтения подчеркивается тем, что в двух крупнейших монастырях почти не было индексов с поновленным кругом чтения. По-видимому, архаический репертуар здесь осознавался как основной, базисный.

Дальнейшее развитие индекс претерпел в других монастырях, в которых круг келейного чтения складывался позже и поэтому органично вобрал в себя уже устоявшиеся в русской книжности новые тексты.

1.4. Соборное и келейное чтение в Волоколамском монастыре

История келейного чтения в Иосифо-Волоколамском монастыре сложна и неоднозначна. В кратком и, как полагают исследователи, более раннем варианте устава Иосифа Волоцкого¹² позиция его в отношении келейных книг очень резка: во имя торжества общежития нахождение в кельях личных монашеских книг и икон запрещалось. В более поздней полной редакции памятника позиция Иосифа более мягкая, книги и иконы позволяют в келье по решению настоятеля. Однако и здесь имеются непрямые указания на нежелательность личной келейной библиотеки. Колебания Иосифа в вопросе о

¹² Лурье Я.С. Иосиф Волоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. СПб., 1988. С. 434–439.

келейных библиотеках, и стало быть, в вопросе о келейном чтении отразились в последующей истории монастыря.

В XVI в., как считает Р.П. Дмитриева, основная читающая масса волоколамских пострижников имела в своем личном пользовании по несколько богослужебных книг и один или два сборника, состоящих преимущественно из произведений отцов церкви, о чем свидетельствуют сохранившиеся описи книг.¹³ Однако в период настоятельства Даниила у волоколамских книжников возникает конфликт с игуменом. Известно, что Даниил потребовал от монахов ради строгости общежития и личного нестяжания не держать в кельях книг, даже монастырских. Монахи написали по этому поводу послание старцу Ионе,¹⁴ прося «печаловать» Даниилу, чтобы книги остались в келиях. Неизвестно, чем закончился этот спор Даниила со старцами, но если Даниил все же настоял на своем, то келейное чтение в монастыре стало затруднено. При этом чтение святоотеческой литературы как важная часть монашеской жизни все равно оставалось, но происходило оно уже не в кельях.

Представляется, что информацию о чтении святоотеческих творений в Волоколамском монастыре мы можем почерпнуть из волоколамской рукописи конца XVI – первой половины XVII в (РГБ, Волоколамское собр., № 423), содержащей своеобразный памятник, регулирующий соборное чтение. Данная рукопись обозначена в современном описании как «Каталог поучительных чтений в церкви на каждый день всего года» и относится к жанру «указцев» уставного чтения. «Указец» Волоколамского монастыря содержит богатейший материал, раскрывающий особенности чтения в монастыре.

По информации этого источника, в соборном чтении Волоколамского монастыря использовалось 43 сборника (30 сборников минейных чтений и 13 сборников триодных чтений), при этом из каждого сборника использовалось множество статей. Практически все названные сборники можно найти в описи монастырских книг за 1591 г., притом в этой описи рядом с большинством перечисленных сборников стоит помета о том, что по этой книге «чтут на соборах».¹⁵ Такое обилие и многообразие соборного чтения не находит соответствия в общепринятых уставах, ни в Иерусалимском, ни в Студийском. Если указания каталога исполнялись полностью, то волоколамские монахи каждый день по многу часов выслушивали самые разнообразные читаемые вслух тексты. Возможно, таким образом Волоколамский монастырь, строго

¹³ Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 230.

¹⁴ Публикацию послания по рукописи XVII в. (ГИМ, Синод. собр., № 791, л. 64–67) см.: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Приложение, с. 55–57.

¹⁵ Дмитриева Р.П. Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 42–99.

общежительный книжный центр, решал проблему чтения – при отсутствии келейных библиотек и без требования всеобщей грамотности. Чтение келейное для большинства монахов, по всей вероятности, здесь могло замещаться чтением соборным, что происходило не без конфликтов. Таким образом, в строго общежительном монастыре в связи с особенностями устава келейное чтение не могло быть определяющим. Традиция келейного чтения в таких монастырях то затухала, то вновь проявлялась. Возможно, были периоды, когда келейное чтение здесь заменялось обширным соборным чтением.

История индексов в Волоколамском монастыре не менее сложна и ярка, чем судьба этого памятника в Кирилло-Белозерском монастыре. Из Волоколамского монастыря происходит довольно много списков индексов истинных и ложных книг и целый ряд редакционных видоизменений текста. Можно сказать, что в монастыре не сложилось единой, авторитетной традиции индекса, однако велась настойчивая работа над этим памятником, выливавшаяся в попытки создать новый вариант перечня, более соответствующий имевшимся здесь представлениям о необходимом круге келейного чтения.

Среди индексов монастыря представлены Переходная и Расширенная редакции индекса.

Ряд названий и имен, вошедших в Переходную редакцию, появился на Руси лишь в XIV в. в русле распространяющегося исихазма, а также под влиянием вводимого Иерусалимского устава. Репертуар книг Расширенной редакции еще более полон. Отметим лишь, что в основном данные книги появились в русской книжности в конце XIV – начале XV вв., то есть как раз в период второго южнославянского влияния. Однако индекс и в обновленном виде продолжал отставать от реальной четьей традиции, отражая вчерашний день книжности, ситуацию, сложившуюся в конце XIV – начале XV в. Фактически развитие келейного чтения идет значительно быстрее развития индекса. Индекс фиксировал лишь важные и устойчивые сдвиги, ставшие уже традиционными и поэтому уже вошедшие в основной, наиболее значимый репертуар келейного чтения. Реальный круг чтения монастырской интеллектуальной элиты значительно шире. Возможно, «продвинутое» чтение, выходящее за границы индекса, в плане монастырского устава и самой сути монашеского делания оценивалось ниже, или, во всяком случае, не являлось «молитвенным» деянием. Индекс очерчивает своеобразное расширенное представление о Священном писании, в круг которого входили лишь тексты, опробованные предыдущими поколениями, освященные авторитетом предшествующих книжников.

1.5. Чтение в Соловецком монастыре

Наблюдения над индексами истинных книг, созданными и хранящимися в соловецкой монастырской библиотеке, помогают понять особенности книжной культуры этого прославленного культурного центра Древней Руси. В противоположность старым монастырским центрам, строго относившимся к подбору редакций индексов и содержавшим в основном определенные редакции с архаичным кругом чтения, в библиотеке Соловецкого монастыря мы находим очень большое разнообразие редакций памятника. Очевидно, соловецких книжников не удовлетворяли обе системы чтения – утверждаемые как Краткими редакциями, так и Расширенной редакцией. Обе они были принципиально архаичны, и, возможно, именно это и не устраивало соловчан. Многообразие редакций и вариантов индексов, имеющих на Соловках, заставляет предположить активную творческую работу над памятником, проводимую иноками северного монастыря. Именно в соловецкой книжности, как нам представляется, берет начало своеобразный индекс, впервые изданный на Руси в печатной «Кирилловой книге». В Соловецкой библиотеке имелись варианты индекса, предваряющие редакцию «Кирилловой книги», а также рукописные копии самого печатного текста, что может свидетельствовать о причастности книжников Соловецкого монастыря к работе над «Кирилловой книгой» и над индексом «Кирилловой книги».

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует об особом характере соловецкой книжности, ее самостоятельности, участии соловецких книжников в важнейших процессах, имевших место в древнерусской книжности.

1.6. «Антирепертуар» чтения. Индексы ложных книг.

Помимо рекомендуемого круга книг, в репертуар келейного чтения, несомненно, входили также и запрещенные к прочтению, апокрифические и еретические книги. Мало того, по наблюдениям исследователей, иногда именно они были важнейшей частью монастырской книжности, а индексы ложных книг – «пособием» по подбору книг в библиотеке. Возможно, подобная ситуация сложилась в Соловецком монастыре. В разделе проанализирована история текста индексов ложных книг, примыкающих к различным редакциям индексов истинных книг и составляющих с ними единый комплекс. Выделены редакции индексов ложных книг, содержащих перечни апокрифических и еретических памятников.

Приведенные материалы свидетельствуют о глубоком интересе к «ложным» книгам и апокрифам в Древней Руси. Конечно, они входили в круг чтения далеко не каждого монаха. Но существование столь развернутого и часто переписываемого, популярного перечня книг ложных свидетельствует о том, что интерес к ним не исчезал в

Древней Руси в XV-XVII вв., и они являлись устойчивым элементом монашеского чтения.

1.7. Регламентация наказаний за чтение ложных книг

Для определения отношения к чтению ложных книг нами были проанализированы тексты правил, включавшиеся как в индексы истинных и ложных книг, так и бытовавшие отдельно в различного рода уставных сборниках. Исследованные материалы свидетельствуют о том, что вопрос о наказании за чтение ложных книг был особенно актуален для монастырской книжности начиная со второй половины XV в. Книжники, близкие к кругам Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого, являлись сторонниками жесткого отношения к этому «греху». Вопрос о чтении ложных книг для них стоял наравне с вопросом об имуществе общежительного монастыря, и преступления предписанных норм в обоих этих пунктах мыслились как подлежащие наказанию (очищению?) огнем. Такая точка зрения по вопросу о чтении ложных книг, по-видимому, стала господствующей и укрепилась как в церковном праве, так и в реальной практике наказаний к XVII в.

Глава 2. Древнерусский сборник как феномен чтения в Древней Руси

2.1. Читательские практики как фактор формирования древнерусских сборников

Большинство рукописных книг, возникших в средние века, могут быть рассмотрены как сборники, при этом можно отметить редкость «унитарной» книги в древнерусских книжных собраниях. Необычное для современного восприятия отсутствие (или мизерная роль) в Средневековье «унитарной», целостной книги и господство сборников отмечается также и в современных работах, посвященных средневековой западноевропейской книжной культуре. Обобщая данные различных исследователей, известный французский историк книги Р. Шартье пишет о том, что средневековая культура вообще не знала современного целостного понятия «книги», которое мгновенно сопрягает в сознании материальный предмет и произведение. Такое представление, ныне доминирующее, формировалось постепенно на протяжении веков, в противовес первоначальному представлению о книге как о сборнике из нескольких текстов. Только развитое понятие авторства «проявляется самым непосредственным и самым материальным образом в отождествлении произведения и вещи, текста и кодекса как целостных единиц». Лишь имена древних латинских авторов и отцов церкви были авторитетны настолько, что могли закреплять за собой определенные тексты и придавать единство книгам.

Анализируя роль читателя в древнерусской книжности, необходимо отметить, что чаще всего именно он выступал в роли

составителя сборника, соотносясь с уставами, традициями, личными пристрастиями или конкретными практическими задачами. Именно читатель чаще всего создавал композицию, подбирая интересные для себя тексты и варианты текстов. Сшивая в единый книжный блок существовавшие ранее или специально переписанные тетради, древнерусский читатель практически составлял в виде сборника небольшую личную (или общественную) библиотеку наиболее важных текстов, каждый из которых находил здесь свое особое место и иногда приобретал новое значение, достаточно далекое от традиционного. Читатель «портил» книгу и «реставрировал» ее, воплощая свои представления о «правильном» порядке текстов, об их внутренней структуре. Наконец, именно читатель выбирал для себя свой индивидуальный путь продвижения по сборнику. Тексты «унитарных» книг, их порядок существования жестко заданы (автором или традицией). Не то в средневековых сборниках. Там порядок чтения определялся читателем - как читателем, создавшим сборник (читателем-составителем), так и просто читателем, обратившимся к данному сборнику. Структура сборника позволяет (и провоцирует) пролагать множество путей продвижения по нему – от начала к концу, от середины к началу, обращаться лишь к нескольким текстам, сопоставляя их и т.д. Такого рода изменчивость, зависевшая именно от читателя, делала последнего гораздо более властным над книгой, чем в более поздние периоды; читательские практики жестко определяли место книги в жизни общества и восприятие отдельных текстов, входящих в нее.

Таким образом, роль читателя в создании и жизни сборника многогранна и разнообразна, и поэтому актуальность изучения читательских практик в отношении сборников является значительно более острой, нежели для «унитарных» книг.

В настоящее время историки западноевропейского средневекового чтения выделяют в его развитии ряд глобальных взаимосвязанных процессов, таких, как индивидуализация чтения; переход от чтения интенсивного к чтению экстенсивному; переход от чтения вслух к чтению «про себя», глазами.¹⁶ Имели ли эти процессы место в русской средневековой книжности, и если имели, какова их специфика?

Представляется, что все названные процессы отмечались и в древнерусской книжности, были тесно увязаны с развитием монастырского чтения как господствующего направления и находили отражение в практиках, связанных с различными его типами.

Индивидуальное чтение имело место в структуре чтения на Руси и до эпохи 2-го южнославянского влияния. Об этом свидетельствуют соответствующие сборники, хорошо известные по исследовательской

¹⁶ Шартье, Р. Письменная культура и общество. М. : Новое издательство, 2006. С. 136–143.

литературе – это, например, Изборники 1073 и 1076 гг. К концу XIV в., времени бурного развития монашества, восходит, с одной стороны, составление «Измарагда» и подобных сборников, предназначенных специально для чтения мирянами, и, с другой стороны, как уже говорилось в главе 1, формирование келейного чтения в качестве особой структуры, закрепленной в индексах истинных книг. Таким образом, в указанный период индивидуальное чтение увеличилось в объеме и разделилось на два неравных по своему значению потока – монастырское чтение и чтение «мирское» (последнее далеко не являлось «светским» чтением, хотя, вероятно, «светский» элемент в этом чтении мог быть представлен шире, нежели в монашеском).

Еще один важнейший процесс в истории чтения, отграничивающий средневековье от Нового времени – переход от интенсивного чтения к чтению экстенсивному. «Интенсивный» читатель ограничен в количестве доступных или просто интересующих его текстов. Один и тот же текст читается и перечитывается, заучивается наизусть, передается из поколения в поколение. «Экстенсивный» читатель читает много, разнообразно и относительно поверхностно. И если для Средних веков в общем характерен читатель интенсивный (хотя имеются также и примеры экстенсивного чтения), то Новое время – это время по преимуществу «экстенсивного» читателя. Преимущественно интенсивный характер чтения древнерусского книжника не вызывает сомнений. Книжники вновь и вновь обращались к одному и тому же тексту, помещая его в различные контексты, изменяя его в большей или меньшей степени. Иногда фрагменты бывали достаточно обширными, чтобы донести мысли и идеи изначального текста, отразить его композицию, и тогда появлялись сборники-своды. Чаше все же фрагменты были небольшими, и в таких случаях роль контекста неизмеримо возрастала; текст обретал новые смыслы.

С вопросами индивидуального и общественного чтения, чтения интенсивного и экстенсивного связан и вопрос о соотношении чтения вслух и чтения «про себя», глазами. И ответ на вопрос о том, каким образом читались древнерусские сборники, имеет важное значение для понимания их структуры и строения.

Освоение умения читать глазами в западном Средневековье шло достаточно медленно. Чтение в рассматриваемую эпоху было редкой и трудной практикой; текстов было немного, и их не столько заново читали, сколько вспоминали. Однако обычай чтения вслух лишь отчасти был связан с «низкой квалификацией» читателей (само умение чтения «про себя» как таковое возникло еще в античности), но также был порожден и требованием культурной традиции античности, в силу которой текст обретал форму в произнесении вслух. Европейские исследователи связывают переход от чтения

«вслух» к чтению «про себя» с целым рядом изменений в письменном тексте – возникновение пробелов между словами, возникновение новых пунктуационных знаков.

Говоря об аналогичных явлениях в древнерусской книжности, необходимо отметить неразработанность вопроса, отсутствие исследований на данную тему, хотя она представляется достаточно важной. Чтение богослужебное и уставное, на соборе или в келье происходило вслух. Конечно же, именно оно и являлось главным, превалирующим видом чтения. Чтение вслух – это чтение литургическое и паралитургическое (поясняющее и толкующее богослужение). Этим определяется роль сборников богослужебных и сборников уставного чтения в иерархии русской книжности. Книжная культура средневековой Руси была подчинена богослужению, и поэтому роль устного чтения в русском средневековье огромна.

Сложнее с чтением келейным, не предусмотренным уставом. Характер этого чтения также нигде в уставах не оговаривается, оставаясь элементом передаваемой от наставника ученику традиции.

Вообще же устная, некодифицированная традиция в христианской средневековой культуре играла совершенно особую роль. Средневековый русский монастырь был погружен в стихию устного слова, на основании которой формировалась коллективная память насельников монастыря. Представляется, что учет существования такого рода коллективной церковной памяти является очень важным в понимании строения древнерусских сборников и характера отношения к тексту, свойственное их составителям. Особенно это важно для сборников келейного чтения. Как считают многие исследователи, основная цель при чтении таких сборников средневековым читателем не в получении новой информации, но в припоминании уже известного. Именно в этом кроются корни многих структурных особенностей келейных сборников, о которых ниже будет идти речь при анализе конкретных книг.

Святоотеческие тексты, повторяемые из года в год, оставались в коллективной памяти насельников монастыря, становились своеобразной «средой обитания» для них. Это не могло не отразиться на характере формирования келейных монашеских сборников. В ряде случаев составители их не нуждались в полных цельных текстах, известных по уставному чтению, выбирая из них лишь отдельные, наиболее актуальные для себя фрагменты.

Данным особенностям чтения соответствовал и процесс изготовления сборников. Составление их из фрагментов, отдельных тетрадок, из дезинтегрированных текстов, иногда повторяющихся, порой не имеющих начала и конца далеко не является случайным для средневековой культуры.

2.2. Древнерусский монастырский четий сборник: вопросы терминологии и классификации

2.2.1. Проблемы терминологии и классификации сборников

К сожалению, в настоящее время не разработана общепринятая терминология древнерусского сборника. Разноречия существуют в понимании практически любых терминов, описывающих сборники, начиная от термина «четьи сборники». Имеются также проблемы, связанные с употреблением терминов «уставное чтение», «сборники уставного чтения». В разделе обсуждается употребление терминов и терминологических сочетаний, посвященных сборникам. С вопросами терминологии тесно связана проблема классификации четьих сборников, также мало разработанная в современной исследовательской литературе. Различные варианты классификации принадлежат А. Милтеновой, Т.В. Черторицкой.

Основываясь на положениях, высказанных этими учеными, выделим следующие виды классификации сборников:

- типологическую;
- структурную;
- жанрово-тематическую.

2.2.2. Типологическая классификация сборников келейного чтения

Келейные сборники, как и сборники уставного чтения, в самом общем виде обычно принято делить на сборники устойчивого и неустойчивого (индивидуального) состава. Этот принцип классификации обосновывался Д.С. Лихачевым. А. Милтенова называет такой принцип «структурным», а Т.В. Черторицкая – «типологическим». Последний вариант терминологии представляется более удачным, поскольку данное разделение не выявляет структуру сборника. В самом деле, обозначение рукописи как «сборника устойчивого состава» не дает нам никаких представлений о её структуре, но дает сведения о характерных особенностях её бытования в книжности.

Как пример келейного сборника устойчивого состава можно назвать Изборник 1073 г., в своих многочисленных копиях сохранявший относительное единство. В настоящее время известно 23 списка Изборника, относимые к XV–XVII вв. Столь длительная и обширная традиция переписки свидетельствует о важности материалов, включенных в Изборник, а также о значимости самой идеи индивидуального чтения с самого раннего периода истории русской книжности. Возникновение келейных сборников устойчивого состава происходило на протяжении всего периода существования древнерусской книжности. Д.С. Лихачев отмечал наличие двух разных типов сборников устойчивого состава. Первый тип таких сборников – это сборники, равные кодексу. Они составляли «книгу» в

единстве ее формы и содержания и наиболее близки современному восприятию данного термина. Таковы списки Изборников 1073 г., например. Таковы же и многочисленные сборники уставных чтений – Торжественники, Златоусты, Четьи Минеи¹⁷. Подобного рода сборники хорошо известны, и нет возможности перечислить их все.

Второй тип сборников представляет собой обширные подборки текстов, многократно переписывавшиеся вместе на протяжении веков. Таковы, например, называвшиеся выше «Скитский устав» и «Старчество». Как правило, они, за исключением редких случаев, не равны кодексу, а включены в него наравне с другими материалами. Они не составляли «книги» в смысле единства материального предмета и текста.

Впрочем, обычно сборники келейного чтения так и не становились сборниками устойчивого состава, лишь изредка обретая одну – две копии. Обычно такие сборники обозначаются как «сборники неустойчивого (индивидуального) состава». Сборники индивидуального состава являются наиболее массовой и наименее изученной частью наследия древнерусской книжности. Составители таких сборников ориентировались на свои читательские потребности, при этом могли и не учитывать тематических и структурных характеристик источников своих текстов. Этим определяется уникальность такого рода сборников, но также и их сходство.

Отметим, что деление сборников лишь на две группы – устойчивого и неустойчивого состава – явно недостаточно и не может отразить многообразие древнерусских сборников.

Еще об одном аспекте сложных взаимоотношений «устойчивости-неустойчивости» состава сборников пишет А. Милтенова, развивая идеи, высказанные Д.С. Лихачевым. Она пишет о характерной черте многих сборников – цикличности их состава. Циклы различных произведений, включенные в разнообразные сборники неустойчивого состава, порождают частичную стабильность таких сборников, дают возможность проследить родственные связи между ними. Так, исследовательница приводит результаты изысканий Н. Начова, М.Н. Сперанского, А.И. Яцимирского, а также свои собственные в области определения родственных связей между различными сборниками, прослеживаемыми в результате анализа циклов, входящих в них.

Представляется, что еще одним вариантом в области соотношений «устойчивости-неустойчивости» состава служат различные сборники келейного чтения, обладавшие относительно устойчивым общим репертуарным фондом, на основе которого создавались разные подборки. Иногда этот репертуарный фонд был

¹⁷ Конечно, единство подобных книг достаточно относительно. См. об этом: Творогов О.В. Древнерусская переводная гомилетика как предмет исследования // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: «Дм. Буланин», 1997. Т. 50. С. 186–188.

достаточно обширен. Таков характер аскетических сборников. Анализируя их общий репертуарный фонд, М.С. Егорова называет 28 произведений, устойчиво встречающихся в большинстве из них.

2.2.3. Структурная классификация сборников келейного чтения

В последнее время в исследованиях, посвященных мисцелланологической тематике, проявляется еще одна в подспудном виде существующая классификация сборников – классификация структурная. В соответствии с ней исследователи выделяют три вида сборников:

1. сборники относительно объемных памятников (своды);
2. сборники, содержащие одно большое произведение и дополнительные статьи (иерархические сборники);
3. сборники, включающие в себя разнообразные крупные и мелкие тексты и фрагменты текстов, отдельные выписки и подборки выписок (центонные сборники).

Большую трудность вызывает терминологическое обозначение позиций этой классификации. В связи с ее неразработанностью нами предложены такие термины, как «центонные» и «иерархические» сборники.

Центонными сборниками предлагается обозначать сборники неустойчивого состава, келейного назначения, структурно нерегулируемые, без определенных жанровых и тематических доминант, состоящие из текстов разного объема и характера, часто содержащие в своем составе кодикологические швы. К сожалению, для обозначения данной реалии в настоящее время в научной литературе не сложилось терминологического определения. Характерными чертами таких сборников являлось наличие большого числа мелких статей. Крупные произведения здесь были представлены чаще всего небольшими отрывками. Обычно в этих рукописях не бывает тематического подбора: произведения на одну и ту же тему оказываются в разных частях сборника. Копирование сборников такого состава – явление довольно редкое. Формальные особенности подобных сборников соответствуют их содержанию: это множественность сортов бумаги, разнообразие почерков, характерные для многих таких сборников, простоту и даже небрежность их оформления, малый формат. Такие характеристики, практически совпадающие между собой, дают Р.П. Дмитриева энциклопедическим сборникам¹⁸, М.С. Егорова – аскетическим сборникам¹⁹. Такую же структуру имеют и многие другие, не имеющие никакой тематической доминанты сборники. При этом возникает мысль, что названные

¹⁸ Дмитриева Р.П. Четыре сборники XV в. как жанр // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 150–180.

¹⁹ Егорова М.С. Русские аскетические сборники XIV–XVI вв. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 56. С. 181–234.

формальные особенности разных типов сборников есть особенности не столько энциклопедических или аскетических, столько собственно келейных сборников, сборников индивидуального чтения и, возможно, связаны не с тематикой, а с практикой, характером чтения такого рода книг.

Прекрасным образцом центонного сборника может служить недавно изданный Кирилло-Белозерский сборник № XII. Поражает пестрота и разнообразие содержания этого сборника, многочисленность почерков, сортов бумаги, в большом количестве имеющиеся «кодинологические швы».

Помимо сборников-сводов и центонных сборников, а также структур, являющихся переходными между этими двумя формами, необходимо отметить существование в древнерусской книжности еще одного структурного типа. Важно представить как самостоятельное структурное единство сборники, содержащие одно большое произведение и дополнительные статьи («приложения»). Подобные структуры чрезвычайно распространены в средневековой русской книжности. Частым примером такого рода структуры являются сборники, содержащие в начале «Лествицу» Иоанна Синайского. Представляется возможным предложить термин для обозначения таких сборников – «иерархические сборники».

Отметим, что предлагаемая структурная классификация келейных сборников не является ни жестко очерченной, ни исчерпывающей. Конечно, имеется множество сборников, имеющих «переходные» варианты структуры.

2.2.4. Тематическая и жанрово-тематическая классификация сборников келейного чтения

Тематическая и жанрово-тематическая классификация сборников келейного чтения (и, соответственно, терминология, относящаяся к данному аспекту) несколько более разработана в научной литературе, хотя, конечно, и нуждается в дальнейших уточнениях.

Отметим, что абсолютное большинство рассматриваемых нами сборников келейного чтения принадлежит к типу «религиозно-учительных» (термин В.П. Адриановой-Перетц) или «церковно-богословских» (термин Р.П. Дмитриевой) книг, без определенной тематической или жанровой доминанты. На основе подобных сборников в книжности формировались новые виды и варианты келейных книг. Один из таких подвидов – энциклопедические сборники. Другим подобным вариантом келейного сборника представляется выделенный М.С. Егоровой аскетический сборник. Однако большинство келейных сборников все же не имели никакой тематической доминанты.

Специфическими видами келейных сборников могли являться сборники библейские, агиографические, исторические. В них

жанрово-тематическая доминанта прослеживается гораздо более определенно, нежели в общей массе «церковно-богословских» сборников и их подвидов. Иногда однородные в жанрово-тематическом отношении сборники встречались в качестве отдельных кодексов и составляли книгу, однако чаще они входили в качестве структурных частей, тематических подборок, устойчивых сборников в неограниченные по тематике «религиозно-учительные» сборники-кодексы. Подавляющее большинство сборников не поддается однозначной жанрово-тематической классификации. Но и в тех сборниках, которые определяются как принадлежащие к жанрово-тематической группе, достаточно часто имеются более или менее многочисленные дополнения, статьи, слова, которые не вписываются в общую картину. Более того, приходится согласиться с отнесением к жанрово-тематической группе сборников, в которых статьи-маркеры, представленные в достаточном количестве, все же не составляют большей части объема. Это, например, имеет место в части энциклопедических, аскетических, агиографических, исторических сборников. Поэтому жанрово-тематическая классификация чаще всего остается для древнерусских сборников условной, выраженной лишь в виде тенденции. Отнесение сборника к определенной жанрово-тематической группе и ограничение его тематики не является в целом характерным для келейного сборника, создававшегося как малая личная библиотека, содержащая тексты по самым различным вопросам.

2.3. Блок («микросборник») как структурная единица древнерусских келейных сборников

Строительным материалом для большинства древнерусских келейных сборников являлись «блоки», соединявшие в себе различные тексты. Эти же блоки зачастую входили в другие сборники, но иногда оставались индивидуальной особенностью лишь одного сборника. При этом блоки иногда можно сопоставить с «циклом» памятников – при наличии жанрового и (или) содержательного единства текстов внутри этого блока.²⁰ Однако такое единство вовсе не было обязательным для блока. Очень часто блок подчинялся экстралитературным закономерностям построения. Блок, как правило, сочетал в себе кодикологические и генетические признаки – то есть единство кодикологических особенностей и происхождение текстов из одного источника. Блоки разделялись «кодикологическими швами» (термин Г.М. Прохорова) – местами смены почерков, сортов бумаги. Зачастую здесь находятся пустые и не дописанные до конца листы. Имеющиеся в ряде случаев загрязнения на листах,

²⁰ О циклах памятников в древнерусских сборниках см.: Лихачев Д.С. Текстология. Л.: Наука, 1983. С. 247–249; Милтенова А. Към литературната история и типология на сборниците със смесено съдържание // Старобългарска литература. София: Изд-во на Българ. академия на науките, 1980. Кн. 7. С. 22–36.

примыкающих к кодикологическому шву, могут свидетельствовать о том, что тетради предыдущего или последующего блока существовали отдельно, вне сборника, и включились в него не сразу после написания. Однако кодикологические швы могут и отсутствовать, если сборник представляет собой копию другой рукописи, где подобные швы имели место. В этом случае блоки вычленяются исходя из сопоставлений с иными сборниками, в которых прослеживается их история.

Описанная особенность структуры рукописных книг имела место в древнерусской книжности на всех этапах. Эта особенность может, как нам представляется, считаться общей закономерностью строения средневекового сборника. Так, блоки из древнейших славянских сборников (их «реликты») в русской книжности изучались Д.М. Буланиным.²¹ Блоками и устойчивыми циклами в старообрядческих сборниках занимался целый ряд исследователей.

Собственно блоки, как «строительный материал» сборников соединяли в себе черты как унитарного текста, так и сборника. В качестве «текста» они могли иметь редакции. Так, Н.С. Демкова выделяет краткую и полную редакцию блока, содержащего тексты пустозерских узников.²² Как сборники, блоки могут иметь устойчивый и индивидуальный состав.

Далее в разделе рассмотрен состав и история ряда блоков: Послание Григория Богослова к Филагрию и примыкающие к нему материалы; блок иноческих материалов в Чудовской кормчей и Скитском уставе; индекс истинных и ложных книг как блок материалов, посвященный книжному репертуару. Рассмотрение таких блоков приводит к попытке решить вопрос о случайности состава сборников, состава блоков. На первый взгляд, сборники индивидуального состава хаотичны и «калейдоскопичны», и состав их столь же предсказуем, как узор в калейдоскопе. Однако они, несомненно, подчинялись требованиям и закономерностям имеющихся четких практик и устоявшегося репертуара чтения. Конечно, каждый такой сборник определялся лишь «самотождественностью личности составителя» (Р. Шартье), но и сама личность составителя, его сознание подчинялись определенным закономерностям. Можно сказать, что сборник как дезинтегрированная структура в целом соответствовал особенностям мышления средневекового человека. Средневековой, по мысли Й. Хейзинги, свойственна «потребность обособлять каждую идею, оформляя ее как сущность, и объединяя одни идеи с другими в иерархические сочетания, постоянно выстраивать из них соборы и

²¹ Буланин Д.М. Реконструкция древнерусского сборника XIII в. // Исследования по древней и новой литературе. Л. : Наука, 1987. С.342–345.

²² Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума. Творческая история произведения. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. С. 23.

храмы, подобно тому, как это делают дети при игре в кубики».²³ Подобным образом, в соответствии с образом мышления средневекового человека, строились и сборники.

Кажущаяся необязательность и случайность связей текстов в блоках и сборниках порой оказывается жестко заданной и совершенно упорядоченной. Именно такой вполне жесткой структурой, как выяснилось при анализе, обладает старообрядческий сборник конца XVIII в. из рукописного собрания Нижегородской областной библиотеки (ф.1, оп.1, №374), несмотря на как будто имеющую место хаотичность и дезинтегрированность текстов, отмечаемые при первом с ним знакомстве. Ознакомиться с его структурой позволяет сопоставление его с 9-ю другими старообрядческими сборниками XVIII–XIX вв., содержащими аналогичные блоки текстов. Выясняется, что сборник состоит из двух достаточно часто встречаемых блоков материалов соловецкого и пустозерского происхождения. В различных сопоставляемых сборниках данные блоки могли находиться в полном составе или в сокращенном виде. Поэтому перед исследователем встает вопрос о предпочтительной архаичности кратких или полных редакций блоков и комплексов блоков. Ответ на этот вопрос связан с представлениями о генезисе блоков, составляющих старообрядческие сборники. Возможно, эти блоки являются результатом распада ранних сборников, отражающих первоначальный порядок текстов, возникший под пером их создателей, ранних старообрядческих деятелей. Если так, то более полные редакции и более полные комплексы блоков являются более ранними. Однако возможен и иной путь возникновения блоков. Книжники Выга, Поволжья или других старообрядческих центров XVIII в. собирали имеющиеся у них фрагменты авторитетных текстов, отдельные листы и тетради, в единое целое. Тогда первоначальными будут более краткие варианты блоков. Представляется, что формирование блоков могло идти по обоим сценариям и наиболее ранний вариант памятника можно определить лишь путем углубленного текстологического исследования.

2.4. «Макросборники» в древнерусской книжности

В древнерусской книжности существовал целый ряд сборников, предполагавших включение других сборников. Так, обычный сборник уставного чтения очень часто включал триодную часть (Триодный Торжественник), минейную часть (Минейный Торжественник), некалендарную часть (сборник «дидактических» слов). Таковы древние Супрасльский и Успенские сборники, таковы и

²³ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. С. 231.

многочисленные уставные сборники XV-XVII вв.²⁴ Так же, по принципу средневековых соборов, заключающих в себе многочисленные приделы, строится и множество других сборников. Каждая из этих частей могла существовать и развиваться как отдельно, так и в составе «макросборников». Например, Триодный Торжественник имел собственное развитие и переписывался в виде отдельного кодекса, но также часто входил и в состав больших разноплановых сборников уставного чтения. Сборники могли целиком состоять из других сборников, могли включать в свой состав один или несколько сборников. Грандиозным «макросборником» являлись Великие Минеи четьи митрополита Макария.²⁵ Одним из подобных «макросборников» на Руси являлся сборник, получивший в книжности название «Иерусалимский устав». А.М. Пентковский, исследовавший собрание текстов, называемое «Иерусалимский устав», дал ему такое определение: «Под Иерусалимским уставом понимается богослужебная книга, которая регламентировала совершение богослужения и использование других богослужебных книг в православной церкви начиная с XIII в. и содержала две основные части – общие главы и синоксарь для подвижного и неподвижного кругов богослужения».²⁶

В настоящее время нет работ на современном уровне, посвященном столь важной теме, как бытование Иерусалимского устава на Руси в XV-XVII вв., хотя исследователям известно огромное количество списков памятника этого периода. В диссертации проанализирован состав 5 рукописных Иерусалимских Уставов XVI-XVIII вв. Нижегородской областной библиотеки.

Глава 3. Исследование сборников монастырского чтения

В главе исследуются два монастырских сборника XVI в. Первый из них – сборник Соловецкого монаха Варлаама Сеницы, второй – «Скитский устав».

Обобщая материал, приведенный в данной главе, отметим следующее. Проанализированные здесь два разноплановых сборника имеют свою специфику, обусловленную как особенностями их возникновения, так и практиками чтения, которые они обслуживали и в рамках которых функционировали. Оба эти сборника – «микробibliotheki», призванные как можно полнее осветить требуемые области. Так, сборник Варлаама Сеницы поражает объемом знаний и эрудицией своего составителя. Этот сборник должен

²⁴ Черторицкая Т.В. Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI веков, преимущественно восточнославянского происхождения / Под ред. Х.Микласа. Opladen, 1994. С. 535–675.

²⁵ Черторицкая Т.В. Четьи сборники в составе Минеи Четых митрополита Макария // Труды отдела древнерусской литературы. СПб. : «Дм. Буланин», 1993. С. 98–108.

²⁶ Пенковский А.М. Из истории литургических преобразований в русской церкви в третьей четверти XIV столетия // Символ. 1993. № 29.

удовлетворить потребности высокообразованного человека в книге книг, единственной книге на многие годы, которая не может быть «уже прочитана», которую можно читать бесконечно, раздумывая над каждой фразой, восстанавливая и дополняя в собственном уме то содержание, которое оказалось «свернутым», обозначено лишь намеком и отрывком. Очевидно, что этот сборник составлялся «одномоментно», то есть он имеет составителя, который собрал его из различных тетрадей, написанных примерно в одно и то же время, но разными писцами, расположил эти тетради в необходимой последовательности, снабдил оглавлением (тем самым утвердив структуру) и оставил свою владельческую запись. Этот сборник является не чем иным, как своеобразным «моментальным снимком» внутреннего мира, интеллектуальных и культурных потребностей своего составителя, инока русского монастыря XVI в.

Совершенно иной характер выявляется при анализе второго сборника, «Скитского устава». Этот сборник выкристаллизовывался в течение длительного периода времени, с XIV по XVI вв. Множество книжников приложили руку к его созданию, отбирая важнейшее, отсекая лишнее. Он имеет многочисленные параллели, варианты, не использованные в конечной редакции. В итоге возникла настоящая энциклопедия иноческой жизни, книга, включающая в себя сведения по всем необходимым аспектам жизни монаха.

Из анализа сборников очевидно, что многие тексты и комплексы текстов развивались в книжности в неразрывном единстве со сборниками. Обособленное исследование текстов, вошедших в сборники, обедняет анализ и может дать неполные и даже недостоверные сведения.

Древнерусские сборники как индивидуального, так и устойчивого состава представляют собой весьма сложные в структурном отношении построения. Подробный анализ сборников может позволить увидеть соотношения частей и блоков, входящих в него, что позволяет с новой точки зрения взглянуть на тексты сборников. При всей разнородности и разноплановости таких частей, исследование структуры их показывает наличие объединяющего начала – единство их функционирования, единство системы книжности, четких практик, которые они обслуживали. Поэтому уместной представляется мысль, что практически каждый древнерусский сборник может являться объектом исследования, наряду с другим объектом – древнерусским текстом.

Глава 4. Судьба древнерусского монастырского чтения в XVII-XIX вв.

В XVII в. система традиционных сборников отходит из области книжного «мейнстрима» на периферию культурной жизни. Однако рукописные сборники еще долгое время оставались востребованными.

Наследниками монастырской древнерусской жизни и книжности, как уже было сказано, явились в первую очередь старообрядцы. В старообрядческой среде создавались самые разнообразные образцы традиционной книжности – как уставной, так и келейной. Значение уставных сборников для староверов было весьма велико – соборное чтение использовалось в возмещение отсутствия литургии.²⁷ Для таких случаев старообрядцы не только использовали древние рукописные сборники торжественного красноречия, но и создавали свои Торжественники.²⁸

Для келейного чтения старообрядцы также создавали многочисленные традиционные рукописные сборники. Часто старообрядческие сборники, продолжающие традиции келейного монастырского сборника, носят название «цветники». «Цветники» – это сборники индивидуального состава, предназначенные для индивидуального чтения. Как показано в настоящей работе на анализе цветников из коллекции Нижегородской областной библиотеки, термин «цветник» полифункционален и может быть связан с целым рядом текстов. Приходится также отметить, что «Цветника», как особого типа древнерусского сборника, (наряду со Златоустом и Измарагдом), по-видимому, не существовало.

В качестве одного из сборников, продолжающих древнерусскую келейную традицию вне старообрядческой среды, проанализирован синодичный сборник конца XVII в. из Нижегородской областной библиотеки. Нами выяснено, что исследуемый лицевой синодичный сборник принадлежал весьма распространенной в русской книжности конца XVII–XVIII в. традиции синодичных сборников, представлявших собой обособившиеся предисловия Синодиков. Для сборника характерен ряд уникальных особенностей, однако разнообразие и нетипичность состава вообще характерны для подобных памятников. В данном отношении синодичные сборники приближаются к «цветникам». Можно сказать, что как синодичные сборники, так и «цветники» принадлежат единой книжной традиции, отражающей одно из направлений развития средневековых келейных монастырских сборников в простонародной среде конца XVII–XX вв.

Как уже отмечалось выше, тексты, входящие в сборники, не могут быть изученными в достаточной мере без анализа содержащих их сборников. Актуальность этого утверждения сохраняется и для старообрядческих сборников. Об этом может свидетельствовать анализ блока текстов об ангелах, входящего в один из сборников Нижегородской областной библиотеки, проводимый в работе.

²⁷ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т.1. М. : Языки славянской культуры, 2002. С.114.

²⁸ Дружинин В.Г. Поморский Торжественник // Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С.34–55.

Заключение

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Изучение древнерусского монастырского чтения, его характера и его репертуара является важной проблемой современной филологии, открывает новые пути для исследования истории древнерусских текстов, для понимания роли книги в жизни общества. Известно, что в XV-XVII вв. монастырям принадлежала ведущая роль в развитии русской литературы и чтения. Такие крупнейшие центры, как Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, Соловецкий монастыри определяли особенности формирования различных форм письменности, их рецепции, восприятия, функционирования как в обществе в целом, так и в отдельных читательских сообществах.

Изучение специфики четых практик и репертуара чтения в русских монастырях является одной из основных задач настоящей работы. Поскольку организация жизни в монастыре подчинена уставу, был проанализирован ряд уставов и уставных статей, бытовавших в крупнейших монастырских книжных центрах. Проведенное исследование показало, что келейное монастырское чтение было характерно не для всех монастырей и не во все периоды их существования. Оно было постоянным элементом жизни монахов в начальный период существования Кирилло-Белозерского монастыря. Однако, например, в Иосифо-Волоколамском монастыре при игумене Данииле (будущем митрополите) келейное чтение практически было прекращено и заменено обширным соборным чтением.

В работе показано, что регламентация репертуара монастырского келейного чтения осуществлялась посредством такого памятника, как индексы истинных и ложных книг. Исследование различных редакций памятника выявило отраженную в нем сложную систему репертуара келейного чтения. Эта система формировалась и изменялась в диахроническом аспекте, основываясь на меняющихся в разные эпохи представлениях о необходимом и желательном, а также нежелательном для монахов круге текстов. При этом разные монастыри придерживались различного подхода к необходимому кругу чтения. В индексах, бытовавших с начала XV в. и использовавшихся в Кирилло-Белозерском и Троице-Сергиевском монастырях, репертуар чтения, за малым исключением, ограничивался древнейшими, известными еще со времен Киевской Руси текстами. Индексы, возникшие в середине XV в. и связанные с Волоколамским монастырем, содержат указания на тексты, пришедшие на Русь в конце XIV–начале XV в. в период второго южнославянского влияния.

Преимущественным типом книги в Древней Руси были сборники. В настоящей работе сделана попытка связать некоторые особенности строения древнерусских сборников со спецификой четых монастырских практик. Показано, что сборники существовали внутри монастырского целостного «словесного» пространства, опираясь на широкий круг текстов, существовавших в «коллективной памяти» насельников монастыря. Это определяло возможность существования в сборнике незавершенных, неполных текстов, фрагментов текстов. К такому же результату вел преимущественно интенсивный характер индивидуального монастырского чтения.

Сборники являлись частью большого «здания», строительными блоками в системе древнерусской книжности. Представляется важным понять в целом объем, функции, специфику данной системы. Поэтому в работе предложены варианты классификации древнерусских сборников, построенные на разных основаниях: структурная, типологическая, жанрово-тематическая. Еще одна важная задача, поставленная и выполненная в настоящей диссертации – анализ «внутреннего устройства» сборников, их структуры. Проведенное в настоящей работе исследование двух конкретных монастырских сборников XVI в. (сборника соловецкого монаха XVI в. Варлаама Синои и сборника устойчивого состава XVI в. «Скитский устав») подтверждает актуальность изучения истории текстов внутри существующих сборников.

Анализ ряда традиционных рукописных сборников XVII–XIX вв., созданных как старообрядцами, так и представителями господствующей конфессии, показывает, что их составители опирались на репертуар чтения и четьи практики, выработанные в уставном и келейном чтении древнерусских монастырей. Таким образом, монастырское чтение, его практики и особенности не были забыты с завершением развития древнерусской литературы. Они были востребованы и актуальны еще долгое время и активно влияли на современную им книжную культуру.

По материалам исследований были выполнены следующие публикации:

Монографии:

1. Грицевская И.М. Индексы истинных книг. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2003. 253 с. – 15,88 п.л.
2. Грицевская И.М. Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2012. 425 с. – 27 п.л.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

3. Грицевская И.М. Система текстов для келейного чтения в Кирилло-Белозерском и Троице Сергиевом монастырях и индексы

истинных книг // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. 2008. С. 193-210. – 1,05 п.л.

4. Грицевская И.М. Древнерусская книжность и особенности чтения на Руси // Русская литература. - 2008. - №4. - С. 106-114. – 1 п.л.

5. Грицевская И.М. Структура старообрядческих сборников: Соловецкий и Пустозерский циклы в сборнике из Нижегородской областной библиотеки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2009. - № 4.- С. 288-294. – 0,75 п.л.

6. Грицевская И.М. История келейного чтения на Руси и индексы истинных книг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2009. - № 6. - С. 37-43. - 0,75 п.л.

7. Грицевская И.М. Статья «О татарской [вере]» в сборниках XVI в. / И.М. Грицевская, Р.А. Симонов //Древняя Русь: Вопросы медиевистики. - 2011. - № 3 (45). - С. 35-37. -0,3 п.л./0,2 п.л.

8. Грицевская И.М. Древнерусский монастырский четий сборник: вопросы терминологии и классификации //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. - 2011. - Т. 10, вып.8. - С. 15-26. -1,2 п.л.

9. Грицевская И.М. Белякова М.М., Курзина Е.С., Мисцелланологический анализ сборника уставных чтений XVII века из села Хахалы Нижегородской области / Белякова, И.М. М.М. Грицевская Е.С. Курзина, //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. - 2012. - Т. 11, вып. 12. - С. 72-83. – 1 п.л./0,4 п.л.

Научные публикации в других изданиях:

10. Грицевская И.М. Индексы истинных книг в составе «Кирилловой книги» / И.М. Грицевская // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 1993. – Т. 46. – С. 125–134. – 1,2 п.л.

11. Грицевская И.М., Черторицкая Т.В. Цветники в русской рукописной русской традиции: К постановке проблемы / И.М. Грицевская, Т.В. Черторицкая // Российское государство XV–начала XX вв.: экономика, политика, культура. – Екатеринбург, 1993. – С.41–45.- 0,3 п.л./0,2 п.л.

12. Грицевская И.М. Авторские атрибуции // Т.В. Черторицкая. Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI веков, преимущественно восточнославянского происхождения. / Под ред. Х. Микласа; авторские атрибуции И.М. Грицевской. – Opladen: Nordrhein–Westfaelischen Akademie der Wissenschaften, 1994. – С.753–767. – 1 п.л.

13. Грицевская И.М. История и современность Сейминского старообрядчества / И.М. Грицевская // Мир старообрядчества:

История и современность. – Москва, 1999. – Вып. 5. – С.243–262. -1,2 п.л.

14. Грицевская И.М. Индексы истинных книг и Второе Южнославянское влияние (по материалам книжности Троице-Сергиева монастыря) / И.М. Грицевская // III Международная конференция «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». – Сергиев Посад, 2002. С.7–9. - 0,2 п.л.

15. Грицевская И.М. Индексы истинных книг в библиотеке Соловецкого монастыря / И.М. Грицевская // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003». – Петрозаводск, 2003. С. 353–356. -0,3 п.л.

16. Грицевская И.М., Курзина Е.С. Древнерусский сборник как гипертекст / И.М. Грицевская, Е.С. Курзина // Книга и мировая цивилизация: Материалы XI международной конференции по проблемам книговедения. (Москва, 20–21 апреля 2004). В 4-х томах. Т.2. – М., 2004. – С.9–13. – 0,5 п.л./0,2 п.л.

17. Грицевская И.М. Списки истинных книг / И.М. Грицевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в.– Спб., 2004. – Вып. 3, ч. 4. – С. 872–875. – 0,4 п.л.

18. Грицевская И.М. Послание Григория Богослова Филагрию в славянской и русской книжности / И.М. Грицевская // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2004. – Т. 55. – С. 365–373. – 0,7 п.л.

19. Грицевская И.М. Чудовская Кормчая и Иерусалимский Устав в русской книжности конца XV– нач. XVI века / И.М. Грицевская // Религии мира. История и современность. – М., Наука, 2004. – С.52–60.- 0,6 п.л.

20. Грицевская И.М. Патристика в репертуаре Московского печатного двора дореформенного периода / И.М. Грицевская // Федоровские чтения. – М. : Наука, 2005. – С. 268–295. - 1,3 п.л.

21. Грицевская И.М. Лицевой синодичный сборник Нижегородской областной библиотеки / И.М. Грицевская // От Средневековья к Новому времени. Сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. – М., 2006. – С. 432–449. – 1,35 п.л.

22. Грицевская И.М., Курзина Е.С. Издания Московского печатного двора в системе древнерусской книжности / И.М. Грицевская, Е.С. Курзина // Федоровские чтения. – М., 2007. – С. 255–264. -0,5 п.л. /0,35 п.л.

23. Грицевская И.М. Два соловецких сборника XVI в. / И.М. Грицевская // «Рябининские чтения – 2007»: Материалы V Международной научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск, 2007. – С. 415–418. - 0,3 п.л.

24. Грицевская И.М. Индексы истинных и ложных книг в Волоколамском монастыре. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. - Т. 58. - С.494-504 – 1,1 п.л.

25. Gritsevskaya I. Book inquisition in sixteen and seventeenth century Russia / I.Gritsevskaya – *Scrinium: журнал патрологии, критической агиографии и церковной истории*. – СПб. : Axioma, 2008. – Т.4. – С. 136–146. - 0,5 п.л.

26. Грицевская И.М. Воплощение идеи универсальной библиотеки в книжности Древней Руси / И.М. Грицевская // *Наука о книге: Традиции и инновации: К 50-летию сборника «Книга. Исследования и материалы»*: Материалы XII Международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2009 г.): В 4-х ч. Ч.1. – М., 2009. – С. 26–28. – 0,2 п.л.

27. Gritsevskaya I. Some Problems of Textology of Indexes of Prohibited Books / I.Gritsevskaya // *The Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition: Continuity and Diversity*. – Mohr Siebeck. 2011. – P. 201–223. – 0,7 п.л.

28. Грицевская И.М. Цикл повестей об ангелах в Нижегородском старообрядческом сборнике XVIII в. / И.М. Грицевская // *Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в. : труды II Международной научной конференции (Москва, 2009) / Отв. ред. И.В. Поздеева*. – М., 2011. – С. 133–164. – (Мир старообрядчества. Вып. 8). -1,8 п.л.

29. Грицевская И.М. Келейный сборник XVI в. монаха Соловецкого монастыря Варлаама Синицы / Грицевская И.М. // *Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря: Сборник научных статей и докладов: труды I международной научной конференции (Соловки, 2009)*. – Соловки, 2011. – С.166-170 - 0,5 п.л.

30. Грицевская И. М. Иерусалимские уставы XVI–XVII вв. из собрания Нижегородской областной библиотеки / И.М. Грицевская // *Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века) : сб. науч. ст. / Отв. ред.: О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев*. – Новосибирск, 2011. – С. 681–690. -0,7 п.л.

Грицевская И.М.
Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских
монастырей XV–XVII вв.
Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подготовлено к печати
Формат 60*84 1/16. Усл. печ. л. 2,5.
Тираж 100 экз.
Заказ №
Редакционно-издательский отдел НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2